

ря, сформулировать рецепты, коими наполнена вся история злато-серебронискательской алхимии. Все устремлено к цели. Не почему и тем более не как будоражат ум алхимика. Единственный целеполагающий вопрос, предопределяющий конечность искания, волнует адепта: для чего? Для чего проводят бессонные, едкие от свинцовой пыли и сипис от серного пламени ночи в тесной алхимической лаборатории? Для того, чтобы получить философский камень. Для чего нужен этот камень? Для того, чтобы получить золото или серебро — отделить плевелы от ржи, аглицев от козлиц, несовершенное от совершенного. Для чего золото? и т. д. Одна цель сменяется другой. Менее существенная более существенной. Но всегда целью. Однако целью, готовой тут же по ее достижении стать средством. Средневековое мышление принципиально телеологично. Зато сама нацеленность на результат предполагает рецепт, то есть как это сделать. Но это рецептурное как — иной, священнодейственной ритуальной природы. С одной стороны, цель — практический итог, с другой — рецепт есть магия, двувекторно устремленная к цели: по-земному предметно, возвышенно ритуально. Сама же цель — лишь посох для продвижения по тернистой магической тропе, где каждый шаг рецептурно расчислен.

Жизнь *Роджера Бэкона* — ярчайший пример единения этих двух ипостасей средневекового духа: рациональной упорядоченности «экспериментирующего» естествоиспытателя и озаренной неуправляемости монаха-францисканца.

Рецептурность пронизывает различные формы мышления, сознания и самосознания человека средних веков. Она, всякий раз видоизменяясь, представляет собой многогранное целостное явление.

Остановим внимание на некоторых алхимических рецептах *Иоанна Исаака Голланда* (XV—XVI в.) (*Hollandus*, 1667; *ТС*, 3, с. 304—514; *Голланд*, 1787, с. II—III, 4, 6, 13—71, 85, 163, 348, 446—447).

Вот рецепт, который называется так: «*Простой способ приготовления философского камня из мочи*». Он взят из трактата «*Камень Урины*»: «*Прежде, чем наш камень делается, то живет уже он; если же его найдешь, то тут же и умрет. Всякий, смотря на него, зажимает нос от его смрада. Он садится по сторонам сосуда, в котором долго находился, и каждый зажимает еще и тут нос от его состава или вонючего воздуха...*» (*ТС*, 6, с. 566—568; *Голланд*, 1787, с.85).

В отличие от описаний металлов у *Бэкона*, освобождением которых от порчи достигается совершенное золото, здесь, напротив, порча, грязь совпадают с совершенством — богоподобным философским камнем. Заземление его есть его же и вознесение, достижимое рукотворно. Значит, именно руки адепта и есть помощники, соперники бога в деле преображения. Устремленность к земному в алхимии знаменательна и в известном смысле противостоит собственно средневековью. Вместе с тем в алхимических текстах усматривается и противоположный ход, как бы уравновешивающий земную ориентацию адептов. Только-только сквозь голубое небо зачернела земля, как вновь — вселенские выси. *Яйцо фи-*